

26 ОКТ 1954

от

Ленинград

Газета №

Искусство мужественной правды

С особенным чувством пришел я на спектакль «Юлиус и Этель». Ведь недавно, всего несколько лет тому назад, наш коллектив выступал в Польше. Мы еще застали нестертыми страшные следы гитлеризма. Мы видели злобещий Майда-нек. По всюду кипела созидательная работа. Нас восхищала энергия народа, вышедшего на стройку новой Польши, согревала и трогала та всеобщая любовь, которая окружала нас, граждан Советской страны, освободившей Польшу от рабства.

Играя в Варшаве, я вспоминал о дружбе Пушкина и Мицкевича. Я вспоминал, что, хотя в дни моей юности Давыдов, Варламов и другие актеры нашего театра, носящего теперь имя Пушкина, бывали желанными гостями Варшавы, польская речь не могла прозвучать с петербургской императорской сцены. И вчера вечером, сидя в своем родном зрительном зале и слушая польских актеров, я особенно остро почувствовал силу тех новых отношений равенства, которые сделали нерасторжимой дружбу наших народов.

Я слушал слова незнакомого мне языка, но я понимал все, что свершалось в душах Этель и Юлиуса. И со вчерашнего вечера в один строй с моими любимыми героями советского искусства навсегда встали герои Леона Крutchковского — бесконечно скромные и возвышенно прекрасные супруги Розенберг, для которых смерть на электрическом стуле была менее ужасна, чем жизнь, «окупленная ценой отказа от личного достоинства, от борьбы за демократию».

Преклоняясь перед мужеством этих простых людей, одержавших моральную победу над американской реакцией, создатели спектакля сами явились сильными и мужественными в своем искусстве.

Пьеса «Юлиус и Этель» принадлежит перу крупного писателя и общественного деятеля, лауреата международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами» Леона Крutchковского. Действие ее, предельно сжатое, обнимает лишь самые последние часы жизни героев, замыкается в стенах почти пустой тюремной камеры и в уютном, контрастирующем с ней, кабинете прокурора. Художник Отто Аксер нашел для декораций точные линии и краски. Избегая украшательства, он вынес на сцену только те вещи, которые строго необходимы актерам.

Почти стопчски ограничил себя режиссер Александр Бардини, ведя действие в замедленном, как будто бы одногонном темпе, не позволяя актерам ни одного лишнего жеста и перехода; целые сцены состоят из диалогов двух, почти неподвижных исполнителей. Но в этой простоте — огромная сложность, в этом кажущемся однообразии — огромное и потрясающее, как музыка, ритмическое бо-

гатство. Каждый скупой жест, взгляд, вздох, улыбка, каждое движение пальца получают такую рельефность и выразительность, словно мы видим их кинематографическим крупным планом. Аскетизм внешней формы подчеркивает напряженность и насыщенность человеческих переживаний.

Артисты играют целомудренно просто, сосредоточенно. Ни тени сентиментальности! В их игре ничто не рассчитано специально на слезы зрителя, а между тем они трогают и покоряют. Этель Розенберг исполняла Галина Миколайская, и я увидел актрису выдающегося трагедийного дарования. Каждое ее движение поет, как скрипка, в склоне ее головы, в мягких линиях рук, в тонких пальцах — обаяние и нежность. Когда она думает о детях или о былом счастье, глаза ее озаряются таким лучистым светом, что сумрак тюремной камеры отступает. Каждое мгновение, проведенное с Юлиусом, она наполняет безграничной, бережной любовью и теплом. Рядом с угловатым, чуть нескладным Юлиусом она — сама женственная мягкость. В ней — вся тяжесть горя, вся трагедия мученичества. Но вот она стоит перед прокурором, опустив руки и слегка сжав кулаки, стоит минуту, и две, и три, — и кажется, на целую вечность может хватить той застенной нравственной силы, кокою дышит все ее существо. Столько гармонической красоты в ее горе и столько светлой веры в правду, что и перед лицом смерти, озаренная меркнувшим лучом, стоя с прижатыми к груди цветами, последним подарком ее малышей, она кажется живым воплощением мужественной человечности.

Тадеуш Кондрат сознательно избегает в роли Юлиуса красоты и патетики, делает его внешность обыденной, почти заурядной, и тем ярче воплощает нравственную стойкость этого простого человека, вся сила которого в его кристальной честности. С настоящим блеском, с высоким мастерством играет Александр Жабчинский роль прокурора, у которого сквозь сдержанный апломб, выдержку и хорошо натренированную любовьность проскальзывает жестокость себялюбца и карьериста. Выразительно исполнили свои роли С. Желенский (адвокат Блох), Г. Бушинский (судья), Ю. Малишевский (начальник тюрьмы), Я. Соколовская (надзирательница), К. Лубенская (Джесс), Т. Сузова (Григлас). В бессловесной роли монтера запомнился Я. Братковский. Все они составляют целостный, художественный ансамбль спектакля, которым Государственный Польский театр внес свой ценный вклад в великое дело борьбы за мир и демократию.

К. СКОРОБОГАТОВ,
народный артист СССР, директор Государственного академического театра драмы имени А. С. Пушкина

* * *

В минувшее воскресенье в помещении Театра драмы имени А. С. Пушкина спектаклем «Юлиус и Этель» Леона Крutchковского открылись гастроли Государственного Польского театра, награжденного Орденом Трудового Знамени первой степени.

От лица ленинградской театральной общественности польских гостей приветствовал главный режиссер Театра драмы имени А. С. Пушкина, народный артист СССР Л. С. Вивьен:

— Мы с благодарностью вспоминаем тот гостеприимный прием, который был оказан нашему театру в Народной Польше, — сказал тов. Вивьен. — Обмен культурными ценностями между Польшей и Советским Союзом является свидетель-

ством большой дружбы между нашими народами, дружбы, начатой еще Адамом Мицкевичем и Александром Пушкиным.

В ответной речи директор и художественный руководитель Польского театра Бронислав Домбровский в свою очередь поблагодарил ленинградцев за радостный прием, выразил радость коллектива Польского театра по случаю приезда в город-герой, город славных революционных традиций.

Собравшиеся многочисленные зрители горячими, долго не смолкающими аплодисментами приветствовали польских артистов.

По окончании спектакля гостям были приподнесены цветы.